

Колоссальный запрос на журналистику. Десять лет Кавказ.Реалиям

Александра Соколова

10 сентября 2026

 Приоритетный источник в Google

Иллюстративное фото

В сентябре 2016 года начал работу русскоязычный сайт Северо-Кавказской службы Радио Свобода – Кавказ.Реалии. Уже через год власти Чечни потребовали от прокуратуры и Роскомнадзора его закрыть. Несмотря на обвинения в "подрыве авторитета" и "информационной агрессии", чиновники продолжали общаться с редакцией, хоть и ради утверждений, что в регионе, как и на всём Северном Кавказе, с правами человека якобы "всё в порядке". В список "иноагентов" редакция попала ещё в декабре 2017 года. В марте 2022-го наш сайт заблокировали, а в феврале 2024-го проект, как и всю корпорацию Радио Свободная Европа/Радио Свобода, внесли в список "нежелательных организаций".

К десятилетию Кавказ.Реалий мы поговорили с коллегами из регионов юга и Северного Кавказа о том, как за эти годы изменилась профессия и остаётся ли надежда на будущее. Имена некоторых собеседников изменены.

Аслан, журналист из Чечни

— Труднее всего с коммуникацией. Самым, наверное, серьёзным ударом стали постоянные блокировки мессенджеров и ограничения интернета. Ты всё время прыгаешь с одного сервиса на другой, чтобы не засветиться и не подставить источники, с которыми работаешь. Да и люди боятся контактировать – стало гораздо опаснее. Даже те контакты, с кем сложились хорошие отношения и есть доверие, иногда боятся говорить.

Это связано и с общероссийскими тенденциями, и с ситуацией внутри региона. Физические наказания, угрозы, давление, похищения – всё это всегда было в Чечне. Остальная страна к нам сейчас "подтянулась", но мы всегда были в авангарде. Что называется, "задавали тренды". И эту практику сейчас переняли уже на федеральном уровне. У нас считалось, что Чечня служит испытательным полигоном ещё с начала 1990-х. Мы пытались противостоять этому давлению две войны, но ресурсы истощились. Сейчас во всей России происходит то же самое, и никто не сопротивляется.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Свобода слова и водка вместо пропуска:
журналисты во время первой войны в Чечне

В нынешних условиях [для чеченских журналистов] нет ничего нового, мы давно научились адаптироваться к меняющимся условиям, усилению угроз, усилению давления. Мы и раньше часто меняли, адаптировали протоколы безопасности и коммуникации между собой. Огромных изменений в этом плане нет.

Конечно, наша профессия сейчас очень, очень сложная. Параллельно мне кажется, что она сильно деградирует.

Бывают и разочарования: зачем я это делаю, для кого? Это же, в принципе, ничего не меняет, и людям тоже это, кажется, не нужно. Особенно, когда пытаешься говорить с теми, у кого страх уже зашкаливает совершенно. Даже люди, чьи родственники пострадали, и казалось бы, что им дальше терять – они всё равно боятся. Тогда возникают вопросы, зачем я этим занимаюсь? Эти чувства, конечно, периодически возникают. Но это, наверное, всё-таки не основание сложить руки или бросить профессию. Конечно, периодически возникает желание уйти, но мы как-то с этим живём уже много лет. Делай что можешь и будь что будет.

Станет ли легче? Боюсь закончить на пессимистичной ноте, но, может, и станет. Только не уверен, что при нас.

| Халид, журналист из Дагестана

— Что касается готовности источников идти на контакт, тут всё зависит от тематики. Люди, несмотря на большое количество уголовных дел, связанных с репостами, лайками, комментариями, "фейками", "дискредитацией", как будто живут в параллельной реальности, всё в той же России 2016 года. Они готовы рассказывать, снимать, сообщать. В этом плане журналистам сложнее, так как всю эту информацию приходится пропускать через юристов, самим её цензурировать, чтобы не подвергнуть опасности ни источник, ни редакцию.

**“ В журналистике
сейчас абсолютно нечего
делать**

Странно, что об СВО (так в России официально называют вторжение в Украину. – Прим. ред.) и госполитике люди не боятся говорить, а по вопросам бытового характера – трудоустройство, нарушение прав

пациентов и учащихся, вопросы ЖКХ – люди требуют анонимности.

О своей безопасности приходится думать чаще, конечно. Если в 2016 году судебная и правоохранительная системы позволяла хоть как-то отбиться от претензий силового блока, теперь всё становится сложнее, а претензии силовиков – более детализированными и строгими. Поэтому каждая публикация, связанная с правозащитной тематикой, выборами, работой силовиков, Украиной и прочим, перед выпуском должна быть внимательно изучена, оценена с точки зрения российского права и возможных претензий. Учтены должны быть и местные реалии, ведь в каждом субъекте страны один и тот же федеральный закон работает по-разному, как этого желают местные руководители МВД или ФСБ.

Но в обществе и государстве по-прежнему много проблем, которые требуют огласки и решений, менее значимой журналистика не стала: странно, но местные власти, даже по сравнению с 2016 годом, стали активнее реагировать на публикации, связанные с вопросами ЖКХ, внутренней политики и назначений.

| Хетаг, журналист из Северной Осетии

— Если сравнивать с 2016 годом, то [в журналистике] поменялось практически всё. Тогда мы даже подумать не могли, что столько всего будет заблокировано, что

соцсети и сайты будут заблокированы, запрещены и признаны всякими "нежелательными организациями" и "иноагентами".

Можно было общаться открыто. В принципе и сейчас никто не запрещает, вроде. Но есть опасения, что может быть чревато общение, например, с иностранными коллегами, которые нет-нет да и заезжают в республику. Формально запретов особо нет, кроме условной "дискредитации" армии – очень размытого определения: непонятно, что под него может попасть. Но, конечно, сейчас любая критика власти и особенно силовых структур воспринимается как какое-то вредительство: "вы враги и хотите сделать нашему государству плохо".

На самом деле без критики силовых органов, без историй о том, что они себе позволяют, [ситуация], конечно, практически скатилась уже в какой-то совершенный беспредел. Пользуясь тем, что об МВД, Следственном комитете – я не говорю уже о наших небожителях, ФСБшниках – никто не хочет говорить (за редким исключением). Они чувствуют, что у них развязаны руки, они могут творить абсолютно всё, что хотят. Я не слышал, конечно, что прям много было административных дел по статье о "дискредитации" в республике, но я думаю, что они не заставят себя ждать, и журналисты, которые пытаются ещё что-то делать, в любом случае хотя бы по административке "отгребут".

В журналистике сейчас абсолютно нечего делать, если только не рассказывать какие-то портретные истории, "тёплые сюжеты": никакого конфликта, никакой конфронтации, всё у нас хорошо, никто не страдает, всё замечательно. Но при этом я всё равно считаю, что журналистика ещё даст о себе знать. Так же быстро, как всё накрылось, я думаю, примерно с такой же скоростью всё откроется. Я не знаю, что для этого должно произойти, но моё внутреннее впечатление – этого придётся не очень долго ждать. Наверное, это самообман, но эта мысль меня греет.

| Айдамир Казанок, автор проекта Circassian media

— В 2016 году я ещё не был практикующим медийщиком, но хорошо помню ситуацию по Кавказу: уже тогда говорить о свободе слова было сложно. Многим было понятно, к чему всё идёт, но пространство для манёвра ещё сохранялось.

Моя собственная работа в журналистике началась незадолго до полномасштабной войны [в Украине], но есть ощущение, что изменилось практически всё. И самое главное – этот процесс ещё продолжается. Нельзя сказать, что новая реальность уже окончательно сформировалась.

После начала войны и принятия законов, ограничивающих работу независимых СМИ, нормально заниматься независимой журналистикой из России практически

невозможно. Если работаешь за пределами страны, возникают другие сложности – прежде всего с источниками. Люди действительно стали больше бояться говорить, и это вполне объяснимо. Поэтому приходится искать другие способы получения информации. При этом массовое использование соцсетей делает полное закрытие пространства нереальным – информация всё равно поступает.

Вопросы безопасности сегодня, конечно, стоят гораздо острее. Даже за рубежом нужно постоянно оставаться собранным, потому что никогда не знаешь, какое решение может прийти в голову тому или иному силовику. Возможностей для давления у них стало больше, а ограничений их работы – меньше.

Работа нашего проекта связана прежде всего с анализом процессов, которые происходят сегодня внутри нашего народа [– черкесского]. При этом они, безусловно, становятся частью более широкой общекавказской повестки. Мне кажется, что анализ сегодняшней реальности может помочь нам избежать серьёзных ошибок в будущем. Поэтому крайне важно продолжать информировать людей и давать им альтернативные источники информации. Думаю, над этим сегодня должны работать все, кто находится в этой теме.

| Валя, журналист из Ростовской области

— За последние десять лет главное изменение в моей работе – плотная работа с юристами. Журналист не может поспевать за всеми изменениями в законах, поэтому каждый текст вычитывает не только редактор, но и юрист, и многое попадает под нож. Ощущение, что вальсируешь на минном поле.

Но у общества есть колоссальный запрос на журналистику. В редакцию постоянно звонят обычные люди: у кого-то избили ребёнка в школе, у кого-то сносят дома, чтобы построить дорогу, у кого-то пропал сын, у кого-то в муках умерла жена из-за того, что анестезиолог в роддоме перепутал эпидуралку с кислотой. Многие из них побаиваются идти к журналистам, которые уехали. Но к оставшимся запрос один: помогите, нужна огласка.

**“Сейчас журналисты
пытаются выжить**

Злит, что редакторы даже независимых изданий всё чаще ходят к властям и "выстраивают коммуникацию" ради коммерческих контрактов: лет пять назад

редактор считал, что договариваться с властью и думать про финансы – не его задача, его задача – выпускать классные и честные тексты. Мне нравилось работать в редакции без "авторитетов".

Я не могу представить себя в другой профессии, но вижу, что многие коллеги бросают эту работу. Кто-то начинает заниматься СММ для бизнеса, кто-то идёт в копирайтеры, кто-то бросает обычную журналистику и занимается отраслевыми нишами: концентрируется на архитектуре, дизайне или экономике и пишет только в специализированные издания.

Во время моего студенчества быть хорошим журналистом считалось чем-то крутым. Ещё казалось, что если вкалывать, работать и по вечерам тоже, то лет через десять будет своё жильё. У коллег лет на десять старше так и было. Десять лет назад моя коллега сама строила дом. Сейчас это немыслимо, ты не можешь позволить себе ипотеку – не из-за зарплат, а из-за ключевой ставки, инфляции, роста цен на жильё. Живёшь от зарплаты к зарплате и боишься, что однажды наступит пенсия и жить на неё будет невозможно и нигде.

Когда было лучше – тогда или сейчас? Однозначно тогда. Сейчас журналисты пытаются выжить.

- За 10 лет работы редакция Кавказ.Реалии опубликовала сотни детальных неподцензурных текстов о политической, экономической и социальной ситуации на Северном Кавказе и юге России, о нарушениях прав человека, проблемах местных жителей и ответственности властей. Мы запускали [исторические](#) и [специальные](#) проекты и продолжаем вести еженедельный [информационный подкаст](#), у которого больше 300 выпусков и свыше 6,5 млн прослушиваний. Чтобы поддержать нашу работу, подписывайтесь на наш [телеграм](#), [инстаграм](#), а также смотрите и слушайте нас [в ютубе](#).

Кавказ.Реалии в
Instagram

Кавказ.Реалии в
YouTube

Кавказ.Реалии в
Telegram

